

КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСТВА И СОСЛОВНОСТЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ — ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И / ИЛИ РАЗРЫВ

Д. В. Козлов¹

¹ Иркутский государственный университет,
Россия, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1
Поступила в редакцию 05.01.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-8

Для понимания того, как развивался концепт «народ» в Новое время, необходимо учитывать возможность интерпретации его как носителя суверенитета. Данная концепция восходит к временам ранних буржуазных революций. В свою очередь, очень интересным представляется возникновение в таком случае определенных параллелей с идеологией гражданства и с взглядом на динамику развития концепта народа / нации через интерпретации гражданства. Эти интерпретации должны учитывать ход и результаты современных теоретических дискуссий о феномене гражданства. Автор рассматривает проблему единства отечественной традиции гражданства. Парадоксальность применения понятия «гражданин» в российском контексте проявляется уже в XVIII веке. В одних случаях слова гражданин и подданный используются как синонимы, в других понятие гражданин применяется только к дворянам как представителям элиты, что одновременно отсылает к противопоставлению абсолютистской власти и подразумевает сознательное исключение податного населения из института гражданства. Двойственность в понимании гражданства внутри сословного общества, находящегося в ситуации кризиса, проявляется и накануне революционных потрясений 1917 года, и в советский период. В рамках провозглашенного большевиками радикального разрыва с прошлым была поставлена под сомнение старая сословная стратификационная система. В первый месяц после революции большевики официально отменили сословия, титулы и чины. Согласно Конституции РСФСР 1918 года, понятие класса стало частью правовой системы Советской России. Только «трудящиеся» получали политические права и тем самым полное гражданство. Гражданское состояние возникает в контексте идеологии трудящихся и эксплуатируемых классов, которым противостоят неработающие (буржуазные) элементы. Гражданство переставало зависеть от территории и национальности, но в то же время была создана юридическая категория людей, лишенных гражданства, внутри государства. Парадоксальным образом само гражданство определялось через его отсутствие, то есть через то, чего нет. Таким образом, концепции гражданства и сословность в имперский и советский периоды часто сосуществуют, взаимно дополняя друг друга и образуя причудливый синтез традиционного и современного подходов к интерпретации феномена гражданства.

Ключевые слова: гражданство, сословие, режимы гражданства, традиция гражданства, лишенец, враг народа, враг рабочего класса, советская сословность.

1. Теоретические подходы к феномену гражданства: классика и современность

Для понимания того, как развивался концепт «народ» в Новое время, необходимо учитывать возможность интерпретации его как носителя суверенитета. Данная концепция восходит к временам ранних

буржуазных революций. В свою очередь, очень интересным представляется возникновение в таком случае определенных параллелей с идеологией гражданства и взглядом на динамику развития концепта народа / нации через интерпретации гражданства (Canovan, 2005; Handbook of Citizenship Studies, 2002; Kymlicka, Norman, 1994).

В последнее время исследования феномена гражданства переживают настоящий бум. Ученые выделяют несколько важных моментов, которые необходимо учитывать при анализе данного феномена. С одной стороны, можно различить развитие гражданства в традиционном и современном обществах. С другой — часть исследователей рассуждает о классическом гражданстве. Последнее в данном случае понимается и как идеальный тип, и как историческая модель, относящаяся к Древней Греции (Роскок, 1998). Существуют подходы, отталкивающиеся от изучения различных национальных традиций гражданства (британская, американская, французская, германская); исследования, посвященные развитию гражданства в неевропейском мире, например арабском. Очень важной концептуализацией стала знаменитая гипотеза американского ученого Р. Брубейкера о различии типов гражданства с точки зрения динамики развития различных практик включения в этот институт / исключения из него и отношения к мигрантам в этом случае. Брубейкер противопоставляет два типа получения гражданства — гражданство как *jus sanguinis* («по крови») и как *jus soli* («по почве»). Анализируя эти принципы на примере Франции и Германии, исследователь делает вывод о том, что гражданство, предоставляемое в соответствии с принципом «почвы» (по факту рождения в определенной стране), является более открытым, чем предоставляемое «по крови» (на основании гражданства родителей) (Brubaker, 1992). Эта гипотеза вызвала бурную и интересную дискуссию, некоторые участники которой указали на излишнее упрощение моделей гражданства и на историческую динамику, не позволяющую столь однозначно противопоставлять эти две модели с точки зрения открытости / закрытости (Weil, 2008).

Одной из составляющих современной теории гражданства стало описание этого института с помощью триады Маршалла. В этом случае речь идет о различных типах гражданства — «цивильном», политическом и социальном. С точки зрения английского исследователя, все эти типы надстраиваются друг над другом по мере исторического развития в XVII—XX веках (Маршалл, 2011). В ходе дискуссии часть ученых указали на то, что данная концепция строится на материале британской истории и с трудом может быть применена к другим странам. В то же время сам взгляд на институт гражданства как на целостную систему, состоящую из различных прав и обязанностей, которые находятся между собой в сложном историческом, социальном и политическом взаимодействии, значительно изменил традиционные подходы к институту гражданства. Современные исследователи говорят об экономическом, экологическом, культурном и других типах гражданства. Еще одним важным теоретическим выводом из триады стала концепция «режимов гражданства», которую развивает М. Манн. Важным моментом является ее привязка к истории отдельных стран и возможность

анализа режимов с точки зрения противопоставления различных составляющих, знакомых нам по триаде Маршалла. Сам Манн выделяет такие режимы, как либеральный, реформистский, фашистский, авторитарно-социалистический, авторитарно-монархический (Mann, 1987).

Российский ученый В. С. Малахов добавил к этой типологии еще несколько режимов: патримониальный, авторитарно-капиталистический, неолиберальный, этноцентристский (Малахов, 2014). Важная отличительная характеристика институтов гражданства — связанные с ними практики исключения и включения в институт, которые могут рассматриваться как характеристики степени открытости или закрытости гражданства. Очень значимо противопоставление двух типов нации в современности — гражданского и этнического. В этом контексте можно также говорить о гражданском и этническом национализме. Все это позволяет поставить вопрос о сходстве и различии между гражданским и национальным измерением развития того или иного государства и нации. Интересным теоретическим моментом является также противопоставление активного и пассивного гражданства, которое на примере конституционного наследия Французской революции можно сформулировать как различие между простой возможностью участвовать в выборах органов политической власти и правом быть избранным в них, — или, другими словами, между возможностью активного вовлечения в гражданское измерение нации и пассивным наблюдением за этим процессом. На крайне важную разницу между образами гражданина как политического суверена и гражданина-воина, связанного с классической традицией гражданства, указывает В. С. Малахов. Такое противопоставление относится к тому, что современные исследователи называют республиканской традицией в понимании гражданства. Все эти теоретические споры с полным основанием приложимы к отечественной традиции гражданства (Lohr, 2012; 2013). Надо отметить появление разнообразных публикаций по этой теме. Вышло два тематических выпуска журнала «Kritika», посвященных различным подходам к феномену гражданства в российской истории (Alexopoulos, 2006; Burbank, 2006; David-Fox, Holquist, 2006; Lohr, 2006; на русском языке опубликована книга последнего: Лор, 2017).

Также надо отметить выход отдельного номера журнала «Ab Imperio» по данной тематике¹. Естественный вопрос, который возникает сразу, — можно ли говорить о существовании российской традиции гражданства? Если в случае США или Великобритании речь идет о многовековом постепенном развитии, то как быть с Россией, которая прошла через несколько этапов радикальных изменений, связанных с глубокой политической и социальной трансформацией? Тем не менее мы можем констатировать присутствие и развитие концепции гражданства на разных этапах российской истории. Как пример интересно сопоставления разных национальных традиций гражданства приве-

---

¹ Очень интересный обзор новых теоретических подходов к теме взаимоотношений граждан и государства содержится в одной из статей в этом номере журнала: (Chamberlain-Creanga, 2006).

дем общеизвестный диалог М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина по поводу Гражданского кодекса Наполеона и возможности его переноса на русскую почву. Проницательный Карамзин указывает Сперанскому на то, что сами законы и технику их кодификации перенести в Россию можно, но это не превратит российских подданных в граждан. Парадоксальность применения понятия «гражданин» в российском контексте проявляется уже в XVIII веке. Иногда слова *гражданин* и *подданный* используются как синонимы, иногда понятие *гражданин* применяется только к дворянам как представителям элиты, что одновременно отсылает к противопоставлению абсолютистской власти и подразумевает сознательное исключение податного населения из института гражданства (Марасинова, 2017, с. 408). Таким образом, возможны самые разные режимы использования этого концепта. Эта же двойственность в понимании гражданства внутри сословного общества, находящегося в ситуации кризиса, проявляется и накануне революционных потрясений 1917 года. Российские либералы начала XX века рассматривали сословную систему как искусственный институт, навязанный обществу монархическим режимом. Российская реальность противопоставлялась положению европейских сословий, которые рассматривались как элемент общественного развития, не связанный с государством. Такое понимание было очень далеко от реальности. Достаточно вспомнить знаменитое высказывание аббата Сийеса, который в знаменитом памфлете «Что такое третье сословие?» наряду с провозглашением нового принципа понимания и описания французского общества как нации утверждает: «Почему бы третьему сословию не выгнать обратно во франкские леса все эти семьи, которые сохраняют абсурдные привилегии на основании того, что происходят из расы победителей и получили свои права по наследству? Я верю, что очистившаяся Нация была бы вполне способна смириться с мыслью, что состоит исключительно из потомков галлов и римлян» (Аббат Сийес, 2003, с. 187). Тем самым Сийес соединяет новую интерпретацию французской нации с идеями, восходящими еще к аббату Буленвиле и звучащими для нас слишком архаично.

2. Проявления двойственности в развитии советского гражданства

Сословная двойственность проявилась и в советский период. В рамках провозглашенного большевиками радикального разрыва с прошлым была поставлена под сомнение старая сословная стратификационная система. В течение первого месяца после революции большевики официально отменили сословия, титулы и чины. Согласно Конституции РСФСР 1918 года, понятие класса стало частью правовой системы Советской России. Только «трудящиеся» получали политические права и тем самым полное гражданство. Трудящимся и эксплуатируемым классам в этой парадигме противостоят социальные паразиты — буржуазные элементы. В результате, в соответствии с Конституцией, лица, живущие за счет нетрудовых доходов или эксплуатации наемного труда (включая предпринимателей и кулаков), были лишены права голоса

при выборах в Советы наравне со священнослужителями, жандармами и белогвардейскими офицерами («классово чуждыми», по определению большевиков, группами). Такие люди сразу стигматизировались в общественном дискурсе как «лишенцы». Таким образом, марксистское понятие класса стало частью социальной идентичности в советском обществе и неотъемлемой частью конституционных основ нового советского государства. Гражданство оказывалось не связанным ни с «почвой», ни с «кровью», то есть ни с территорией, ни с национальностью. Яркой иллюстрацией таких взглядов на общество служит выразительный рисунок 1917 года (рис. 1). На нем заметно четкое разделение общества на социальные группы в соответствии с их оценкой с позиций «трудящихся».

Радаков А.А. Самодержавный строй.

Russia 1917

Radakov A.A. Autocratic build.

Рис. 1. А. А. Радаков. Самодержавный строй. 1917²

² URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Плакат_Алексей_Радаков_Самодержавный_строй.jpg (дата обращения: 15.07.2020).

Интересно, что для первых комментаторов концепции советского гражданства было очевидно, что нет никакой разницы между иностранцами и советскими гражданами, есть только различие между буржуазными классами и трудящимися. Для констатации этих различий не имеют значения место рождения или место проживания.

Наверное, такую ситуацию никогда не смог бы предвидеть Маркс, но, однако, она была понятна любому жителю России, выросшему в условиях сословной системы стратификации имперского общества. Таким образом, Конституция 1918 года по сравнению с теми же конституциями эпохи буржуазных революций (Американской или Французской) представляла собой документ, который, используя классовый язык, возрождал и закреплял сословную стратификацию на новом этапе (см. об этом: Fitzpatrick, 1993).

Понятие *класс* в данном случае использовалось как аскриптивная (приписываемая) категория, если рассматривать ее в рамках социологической антиномии характеристик — приписываемая / достижительная. Можно утверждать, что первоначально советская политика гражданства была связана не с экономическими соображениями, вызовами растущего населения, трудовыми конфликтами или миграциями (Fitzpatrick, 1993); для определения гражданства важной была политическая тематика, использующая марксистский язык описания классовой системы современного общества. Известно, что Маркс использует понятие класса как универсальную стратификационную категорию, наблюдаемую на всех этапах человеческой истории (за исключением первобытного общества и еще не существующего коммунистического общества). Социологическая теория рассматривает классовую стратификационную систему как часть описания общества, в котором классовые различия не носят жесткого, фиксированного характера и не передаются по наследству. Они возникают в процессе разделения труда и отличают современное общество от традиционного. В случае большевистской интерпретации произошло совмещение понятия класса и его использования в сословных (фиксированных в законе) категориях. Тем самым большевики применяли категории стратификации современного общества, но интерпретировали их как категории общества традиционного, совмещая и тем самым синтезируя архаику и модерн. Необходимо также отметить еще одну очень интересную характеристику развития советского гражданства на раннем этапе, связанную с утопией мировой революции, которая объединит всех людей. Первые советские документы по гражданству (в том числе декрет ВЦИК «О приобретении права российского гражданства» от 19 марта 1918 г.) касались натурализации иностранцев — представителей рабочего класса. Всякий иностранец, живший на территории РСФСР, имел, в соответствии с этими документами, право на советское гражданство. Конституция РСФСР 1918 года в статье 20 провозглашала принцип солидарности пролетариев всех стран. Метафорически говоря, именно огонь мировой революции должен был выплавить институт нового советского гражданства.

Еще раз повторим, что гражданское состояние, или момент гражданства, возникает в контексте идеологии трудящихся и эксплуатируемых классов, которым противостоят неработающие, буржуазные элементы. Идея гражданства не зависела от территории и национальности, но в то же время создавалась юридическая категория людей, лишенных гражданства, внутри государства. То есть парадоксальным образом само гражданство определялось через его отсутствие — через то, чего нет. На картине 1930-х годов мы видим образы таких «лишних людей» (рис. 2).

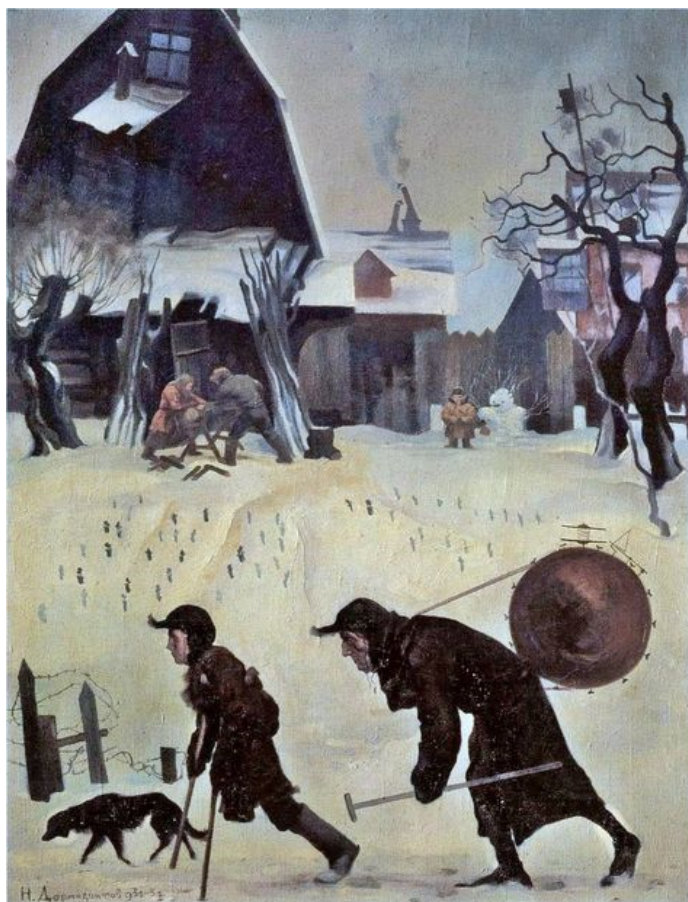

Рис. 2. Н. И. Дормидонтов. Уличные музыканты. 1931 – 1934³

Подобная практика использования прав гражданства как политических санкций вела к фрагментации общества и к формированию различных нестабильных состояний принадлежности к государству. Институт гражданства работал как мощная машина означивания включения / исключения из «общего тела» нации.

³ URL: <http://www.art-spb.info/community/jazzmen?action=show&id=199> (дата обращения: 15.07.2020).

3. Сталинская «революция» в развитии концепта советского гражданства

Важным событием, обозначившим этап в развитии этих тенденций, стало принятие 19 августа 1938 года сталинского закона о гражданстве (краткую и емкую характеристику закона см.: (Кутафин, 2004)). Этот нормативный акт символизировал процесс, который можно рассматривать как своего рода сталинскую революцию в отношении к институту гражданства. Впредь этот закон можно было активно использовать для борьбы с внутренними и внешними врагами. Справедливости ради надо отметить, что Сталин во многом лишь развил те черты, которые уже присутствовали на ранних этапах становления обсуждаемого института. Специфическое советское право оставляло широкий простор для толкований в сфере гражданства — и человек, обладавший всеми гражданскими правами, в один день мог их лишиться. Уже Конституция 1918 года формулировала идею полезности или вреда граждан для дела социалистической революции. В Уголовном кодексе РСФСР (1926) речь шла о мерах социальной защиты с точки зрения поражения в политических и гражданских правах. Упомянулась такая категория, как «враг трудящихся» (ст. 20 (а)). Самой известной жертвой предвоенной поры был, конечно, Л. Д. Троцкий, лишенный советского гражданства специальным постановлением.

Еще одно важное отличие советского гражданства — также требование вовлеченности в гражданскую жизнь, или гражданской активности. В этом не было ничего нового — уже французская Конституция 1791 года устанавливала различие между активными и пассивными гражданами. Активные могли голосовать и служить в Национальной гвардии, пассивные этих прав не имели. Но, по Сталину, все граждане должны быть активны. Право объединяться в социальные организации — решающее для проявления гражданской политической активности. В формате активности граждане обязаны были проявлять энтузиазм, счастье и чувство благодарности. Советской жизни предписывалось быть активной и счастливой по сравнению с несчастливой и печальной эмоциональной жизнью прежних имперских подданных. Прошлые проблемы снимались самим фактом большевистского правления и начала новой счастливой эры. Ленин ранее провозглашал, что в республике не должно быть бездомных детей, только счастливые молодые граждане. При Сталине эмоциональный компонент революции был выражен на качественно новом уровне. В 1934 году И. Э. Бабель, улавливая дух эпохи, заявил, что большевистский период полон огня, страсти и веселья (Бабель, 1990, с. 380–381). Можно утверждать, что во времена Сталина происходила эмоциональная революция, направленная на переустройство личной жизни советских граждан.

Продукты массовой советской культуры 1930-х (массовая песня, кино) были переполнены соответствующими эмоциями. Яркий пример этой тенденции — кинофильм «Партийный билет» (фильм режиссера Ивана Пырьева, 1936). По ходу картины главный герой Павел Кузнецов

(артист Андрей Абрикосов) обманным путем проникает на секретный завод, оказываясь одновременно убийцей комсомольского лидера, шпионом, манипулятором любовью своей супруги Анны Куликовой (актриса Ада Войцек), носителем нескольких фамилий, — одним словом, полноценным «врагом народа» и воплощением абсолютного зла. Интересно, что в фильме принадлежность к партии и к советскому обществу рассматривается как высшая сакральная ценность, перед которой меркнет все остальное — семья, любовь, дружба, родственные чувства. В показательной сцене партийного собрания на заводе принадлежность к партии противопоставляется родственным, супружеским и дружеским отношениям. В иерархии человеческих отношений именно членство в партии стоит на самом важном месте.

Некоторые видные большевики рассматривали счастье как необходимую составляющую советского гражданства. В контексте сталинского дискурса и сталинского режима воображения великие достижения СССР с необходимостью вели к ощущению гражданами счастья. В процессе формирования большевистского режима исключению из числа полноправных граждан подвергались разнообразные группы и личности — бандиты и контрреволюционеры, члены бывших политических партий, белогвардейцы и солдаты царской армии, священники, помещики, зажиточные крестьяне, частные торговцы, враги народа, враждебные народы. Но такие явления имели место и при других режимах. Отличие состояло в том, что революционный режим развивался в условиях постоянно провозглашаемой борьбы и поиска внешних и внутренних врагов (см.: Alexopoulos, 2006).

Все вышеперечисленные особенности проявления гражданства позволяют говорить о развитии Сталиным советской сословности, создании «сословности 2». Знаменитый лозунг «Кто не работает, тот не ест» был одним из ее выражений. Члены большой советской семьи должны были защищать Родину-мать, уважать правила совместной жизни и оберегать социалистическую собственность. По Ленину, конституционные гарантии гражданских прав в Европе служили интересам богатых и обеспеченных слоев населения. Советское правительство гарантировало социальные права, в том числе право на образование, на труд, на достойную старость. Это не было уникальным явлением, но режим советского гражданства отличали постоянное подчеркивание превалирования обязанностей над правами и идея фундаментальных привилегий советского гражданства. Упоминаемые выше активность, патриотизм, энтузиазм как компоненты эмоционального переживания института гражданства можно встретить и в других случаях, например во времена Французской революции. Отличие было связано с навязыванием необходимости участия в социальных организациях под угрозой в ином случае лишиться статуса лояльности по отношению к государству. В сталинский период начинает развиваться дискурс официального описания социальной структуры советского бесклассового общества, состоящего из пролетариата, крестьянства и интеллигенции.

Это официальное видение полностью контрастирует с реальной сложной социальной структурой, которую разные исследователи ха-

рактизируют, используя различные модели. Но очень важно для описания социального статуса той или иной социальной группы учитывать ее близость или удаленность от государственных институтов. О.И. Шкаратан и В.В. Радаев определяют такую социальную стратификацию как ярко выраженную этакратическую систему (Радаев, Шкаратан, 1996). В результате формируется фрагментированное сообщество с людьми, живущими на разных уровнях структур принадлежности к гражданским измерениям. Существенной представляется возможность описания такого типа гражданства как результата синтеза элементов традиционного и современного обществ. Таким образом, концепции гражданства и сословность в имперский и советский периоды часто сосуществуют, взаимно дополняя друг друга и образуя причудливый синтез традиционного и современного подходов к интерпретации феномена гражданства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта №19-59-23007.

Список литературы

- Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / сост. и пер. М.Б. Певзнера. СПб., 2003.
- Бабель И. Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 379–382.
- Кутафин О.Е. Российское гражданство. М., 2004.
- Лор Е. Российское гражданство. От империи к Советскому Союзу / пер. с англ. М. Семиколенных. М., 2017.
- Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014.
- Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России первой половины XVIII века. Очерки истории общественного сознания. М., 2017.
- Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс / пер. с англ. Ю. Дергунова // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М., 2011. С. 145–220.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.
- Alexopoulos G. Soviet Citizenship, More or Less: Rights, Emotions, and States of Civic Belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7, №3. P. 487–528.
- Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge MA, 1992.
- Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7, №3. P. 397–431.
- Canovan M. The People. Cambridge, 2005.
- Chamberlain-Creanga R. The Transnistrean People: Citizenship and Imaginings of the State in the unrecognized Country // Ab Imperio. 2006. №4. P. 371–399.
- David-Fox M., Holquist P. M. Tiutchev versus Foucault? Citizenship and Subjecthood in Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7, №3. P. 391–395.
- Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65, №4. P. 745–770.

Handbook of Citizenship Studies. L., 2002.

Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen: Recent Work on Citizenship Theory // *Ethics*. 1994. Vol. 104, №2. P. 352–381.

Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7, №2. P. 173–194.

Lohr E. *Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union*. Cambridge, MA ; L., 2012.

Lohr E. Russian Citizenship Modernization and Population Policy in Historical Perspective // *Problems of Post-Communism*. 2013. Vol. 60, №6. P. 3–15.

Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // *Sociology*. 1987. Vol. 21, №3. P. 339–354.

Pocock J.G.A. The ideal of citizenship since classical times / *Citizenship debates: a reader* / ed. by G. Shafir. Minneapolis, 1998. P. 31–42.

Weil P. Jus Soli versus Jus Sanguinis: The False Opposition between French and German Law // *Weil P.* How to be French? Nationality in Making since 1789. Durham, 2008. P. 173–193.

Об авторе

Дмитрий Викторович Козлов, кандидат исторических наук, доцент, директор МИОН при ИГУ, Иркутский государственный университет, Россия.

E-mail: dvk@home.isu.ru

Для цитирования:

Козлов Д.В. Концепции гражданства и сословность в русской истории — преемственность и / или разрыв // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2020. Т. 11, №3. С. 115–127. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-8.

THE CONCEPT OF CITIZENSHIP AND ESTATE IN RUSSIAN HISTORY – CONTINUITY AND / OR GAP

*D. V. Kozlov*¹

¹ Irkutsk State University
1 Karl Marx St., Irkutsk, 664046, Russia,
Submitted on January 5, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-8

The author studied the development of the concept "people" in contemporary history taking into account its possible interpretation as a bearer of sovereignty. This concept goes back to the time of early bourgeois revolutions. The author holds that there are certain parallels between the ideology of citizenship, the development of the concept "people / nation" and the interpretation of the concept "citizenship". Contemporary theoretical debates about citizenship are fully applicable to the history of the interpretation of citizenship in Russia. The United States or Great Britain have a century-long tradition of citizenship. Unlike them, Russia has gone through several stages of radical changes associated with deep political and social transformations, hence a variety of understanding of the concept analysed. A paradoxical interpretation of the concept "citizen" in Russia became evident in the 18th century. Then a citizen and a subject tended to be used either as synonyms or "citizens" were understood as a social group related to nobility. Thus, the concept analysed was used in a variety of meanings

and contexts. The same duality in the interpretation of citizenship within the class society manifested itself on the eve of the 1917 Revolution. The class-based duality of citizenship was also noticeable during the Soviet period. After the radical break with the past proclaimed by the Bolsheviks, the old class stratification system had to be changed. In the first month after the Revolution, the Bolsheviks officially abolished estates, titles and ranks. Under the 1918 Constitution of the RSFSR, the concept "class" became a legal term in Soviet Russia. Only "workers" received political rights and thus full citizenship. The official civil status or citizenship was an integral part of the ideology of workers and "exploited" classes as opposed to "non-working, bourgeois elements". The idea of citizenship ceased to depend on territory and nationality. As a result, a group of people was legally deprived of citizenship while permanently residing in the state. Paradoxically, in Soviet Russia citizenship was defined through its absence, through what it was not. The concepts of citizenship and classhood during the Imperial and Soviet periods often coexisted, complementing each other and forming a bizarre synthesis of traditional and modern approaches to the interpretation of the concept of citizenship.

Keywords: citizenship, estate, modes of citizenship, tradition of citizenship, "lishentsy", "enemy of the people", "enemy of the working class", the Soviet estates.

The study was funded by RFBR and FRLC, the research project № 19-59-23007.

References

Pevzner, M. B., 2003. *Abbat Siies: ot Burbonov k Bonapartu* [Abbot Sieyès: from the Bourbons to Bonaparte]. St. Petersburg (in Russ.).

Babel, I. Rech na pervom Vsesoyuznom s'ezde sovetskikh pisateley [Speech at the First All-Union Congress of Soviet Writers]. In: Babel I.E., ed. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. Moscow, pp. 379–382 (in Russ.).

Kutafin, O. E., 2004. *Rossiiskoe grazhdanstvo* [Russian citizenship]. Moscow (in Russ.).

Lohr, E., 2017. *Rossiiskoe grazhdanstvo. Ot imperii k Sovetskomu Soyuzu* [Russian citizenship. From Empire to the Soviet Union]. Translated from English by M. Semikolenykh. Moscow (in Russ.).

Malakhov, V. S., 2014. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migration]. Moscow (in Russ.).

Marasinova, E., 2017. "Zakon" i "grazhdanin" v Rossii pervoi poloviny XVIII veka. *Ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya* ["Law" and "citizen" in Russia in the first half of the 18th century. Essays on the history of public consciousness]. Moscow (in Russ.).

Marshall, T. H., 2011. Citizenship and social class. In: B. G. Kapustin, ed. *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship and civil society]. Translated from English by Yu. Dergunova. Moscow. pp. 145–220 (in Russ.).

Radaev, V. V. and Shkaratan, O. I., 1996. *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow (in Russ.).

Alexopoulos, G., 2006. Soviet Citizenship, More or Less: Rights, Emotions, and States of Civic Belonging. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (3), pp. 487–528.

Brubaker, R., 1992. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.

Burbank, J., 2006. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (3), pp. 397–431.

Canovan, M., 2005. *The People*. Cambridge: Polity Press.

Chamberlain-Creanga, R., 2006. The Transnistrean People: Citizenship and Imaginings of the State in the unrecognized Country. *Ab Imperio*, 4, pp. 371 – 399.

David-Fox, M. and Holquist, P., 2006. M. Tiutchev versus Foucault? Citizenship and Subjecthood in Russian History. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (3), pp. 391 – 395.

Fitzpatrick, Sh., 1993. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia. *The Journal of Modern History*, 65(4), pp. 745 – 770.

Isin, E.F. and Turner, B.S., eds., 2002. *Handbook of Citizenship Studies*. SAGE Publications.

Kymlicka, W. and Norman, W., 1994. Return of the Citizen: Recent Work on Citizenship Theory. *Ethics*, 104, pp. 352 – 381.

Lohr, E., 2012. *Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press.

Lohr, E., 2013. Russian Citizenship Modernization and Population Policy in Historical Perspective. *Problems of Post-Communism*, 60 (6), pp. 3 – 15.

Lohr, E., 2006. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (2), pp. 173 – 194.

Mann, M., 1987. Ruling Class Strategies and Citizenship. *Sociology*, 21 (3), pp. 339 – 354.

Pocock, J.G., 1998. A. The ideal of citizenship since classical times. In: G. Shafir, ed. *Citizenship debates: a reader*. University of Minnesota Press, Minneapolis. pp 31 – 42.

Weil, P., 2008. Jus Soli versus Jus Sanguinis: The False Opposition between French and German Law. In: P. Weil, ed. *How to be French? Nationality in Making since 1789*. Durham: Duke University Press. pp. 173 – 193.

The author

Dr Dmitrii V. Kozlov, Director of CASE, Irkutsk State University, Russia.
E-mail: dvk@home.isu.ru

To cite this article:

Kozlov, D.V., 2020, The concept of citizenship and estate in Russian history – continuity and / or gap, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 115–127. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-8.